

Елена К.

След ведёт в кладовку.

«Автор»

2026

К. Е.

След ведёт в кладовку. / Е. К. — «Автор», 2026

Когда в тихом городке начинают происходить странные события, группа отважных жителей решает разобраться в происходящем. Среди них — бывший полицейский Сергей Петрович, его энергичная тётя Зина, их общая подруга Лидия Сергеевна и их верный помощник — кот Барсик. История начинается с таинственного письма с необычным отпечатком кошачьей лапы. Вскоре к этому добавляются загадочные исчезновения домашних питомцев, странные находки в заброшенном парке и таинственные подземные ходы, хранящие секреты прошлого. В ходе расследования герои сталкиваются с множеством комичных и напряжённых ситуаций, раскрывают древние тайны и сталкиваются с современными загадками. Это история о том, как обычные люди могут стать героями невероятных событий, если их объединяет общая цель. Она подарит читателям не только увлекательное времяпрепровождение, но и заставит задуматься о настоящих ценностях и важности человеческих отношений и элементами юмора.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвёртая	14
Глава пятая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена К.

След ведёт в кладовку.

Глава первая

Если бы кто-нибудь сказал мне ещё вчера утром, что к вечеру я буду стоять посреди чужой кладовки с зажатой в руке запиской «Не лезь», а рядом со мной будет сидеть кот, у которого на морде написано «я всё видел», — я бы рассмеялась этому человеку в лицо и предложила выпить валерьянки.

Но, как говорила моя бабушка, жизнь — дама без чувства юмора. Она любит подкрадываться со спины.

Начну по порядку, иначе вы совсем запутаетесь, а я в своих же мыслях запутаюсь вместе с вами.

Зовут меня Марина Сергеевна Курочкина. Фамилия — да, та самая, курьёзная, и я за сорок три года жизни с ней сроднилась до такой степени, что уже не вздрагиваю, когда в поликлинике медсестра бодро вызывает: «Курочкина, вы? Проходите!» Есть в этом что-то куриное, тёплое, домашнее. Мне даже нравится.

По профессии я, если верить диплому, преподаватель французского. Двадцать лет я честно сеяла «бонжур» и «мерси» в головах шестиклассников, пока не поняла простую вещь: я люблю язык, но не люблю школу. Стенгазеты, родительские собрания, вечные «Марина Сергеевна, а можно я не буду отвечать, у меня голова болит» — всё это высосало из меня последние силы. И когда в очередной раз наша завуч объявила, что мы «оптимизируем учебный процесс», я оптимизировала себя — уволилась по собственному желанию и ни разу об этом не пожалела.

Теперь я веду кулинарный блог. Не смейтесь. Называется он «Курочкина стряпает», и у меня, представьте себе, четыре с половиной тысячи подписчиков — в основном пенсионерки из нашего городка и несколько подозрительно активных мужчин, которые, подозреваю, приходят ко мне не за рецептом шарлотки, а за тем, как я роняю муку на пол. Люди любят смотреть на чужую неловкость. Это их успокаивает.

Живу я одна. Ну, как одна. Со мной живёт Барсик — кот размером с небольшую собаку, серый, наглый и убеждённый, что квартира принадлежит ему, а я так, прислуга, совмещающая обязанности повара и уборщицы. Барсик умеет три вещи: спать, есть и ронять предметы с полки. Причём последнее он делает с особым артистизмом — всегда в тот момент, когда я мою посуду и не могу подойти.

Мама звонит мне каждый день. Каждый. День. Она живёт в соседнем доме, но, судя по количеству звонков, между нами пролегает как минимум Атлантический океан. «Мариночка, ты поела?», «Мариночка, не забудь про давление», «Мариночка, ты почему не замужем?» — и так по кругу. Я люблю маму. Правда. Но иногда мне кажется, что если бы изобрели телефон с функцией «отвечать один раз в сутки», я была бы самым счастливым человеком на земле.

А теперь представьте себе самое обыкновенное утро. Ничего не предвещало. Чайник, как всегда, закипел с опозданием, Барсик, как всегда, уронил мою любимую кружку (жёлтую, с петухом), и я, как всегда, сказала ему «ну ты и вредина» тоном, которым обычно говорят нежности. Я надела халат — серый, в цветочек, купленный ещё при царе Горохе, но жалко выбросить, — и принялась составлять план на день.

План был грандиозный. Внести правки в рецепт той самой шарлотки, которую я обещала подписчикам, сходить за яблоками, а вечером, может быть, посмотреть сериал. Всё. Больше ничего. Никаких трюпов, никаких тайн, никаких кладовок.

Как же я ошибалась.

Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда я поставила на плиту кастрюлю с супом. На экране высветилось: «Тётя Зина». И тут я должна сделать небольшое отступление, иначе вы не поймёте, кто такая тётя Зина и почему её звонок стоило бы проигнорировать.

Тётя Зина — это моя соседка по лестничной клетке, женщина восьмидесяти двух лет, обладательница оглушительного голоса, вечного платка в горошек и непоколебимой уверенности, что весь наш подъезд держится на ней одной. Она знает, кто с кем живёт, кто кому сколько должен, кто когда выходит на работу, и кто в прошлом году не поздравил её с Восьмым марта. Тётя Зина — это, если хотите, наш районный информационный центр, работающий круглосуточно и без выходных.

И вот эта самая тётя Зина позвонила мне тем утром.

— Мариночка, ласточка моя, — начала она, не успев даже поздороваться, — ты же знаешь, я тебя как дочку люблю. Присмотри за моей квартирой, а? Я к сестре в область, на три дня, а ключ под коврик положу. Ты только цветы полей, да кран проверь, он у меня капает. Всё.

— Тёть Зин, я вообще-то шарлотку пеку, — попыталась я вставить слово. — У меня подписчики, у меня...

— Вот и умница, — перебила тётя Зина так легко, будто я не возражала вовсе. — Шарлотку свою после испежёшь. А я тебе тортик за это оставляю, помнишь, я тебе показывала, с грецким орехом? Ты его заberi, он в холодильнике стоит, всё равно пропадёт.

И тут — я клянусь вам — я услышала короткое «клац» железной двери. Разговор оборвался. Тётя Зина, эта женщина-ураган, просто положила трубку, решив за меня все мои дела на ближайшие три дня.

Я постояла секунду с телефоном в руке, вздохнула, посмотрела на Барсика. Барсик в ответ посмотрел на меня с видом «ну а я тебе говорил». Хотя что он мог мне сказать? Он кот. Коты вообще редко дают дельные советы, зато отлично умеют выражать скепсис всей своей пушистой физиономией.

— Ладно, — сказала я вслух. — Ладно-ладно. Полчаса, и всё. Полюю цветы, проверю кран, заберу торт. И домой.

Я натянула резиновые перчатки — не для уборки, а чтобы не испачкать руки в чужой квартире, у меня на такие дела есть пунтик, — накинула куртку и вышла на лестничную клетку.

Ключ действительно лежал под ковриком. Это, к слову, отдельная тема. Тётя Зина свято верила, что наш подъезд — самое безопасное место на планете, потому что «тут все свои, а чужие не ходят». Спорить с ней было бесполезно. Однажды я попробовала намекнуть, что ключ под ковриком — это не очень надёжно, на что тётя Зина ответила: «Мариночка, ты умная девочка, но жизнь совсем не понимаешь». Я не стала уточнять, что именно я не понимаю, и на том разошлись.

Я открыла дверь и вошла.

С первой же секунды меня охватило то странное чувство, которое, наверное, знакомо каждому, кто хоть раз оказывался в чужом жилище в отсутствие хозяев. Вроде бы всё как обычно, всё знакомо, но что-то не так. Воздух другой. Тишина другая. Даже запах — ваниль и старые газеты, тётя Зина обожает читать газеты и никогда их не выбрасывает, — казался мне в тот момент каким-то тревожным.

В квартире было тихо. Слишком тихо. Я имею в виду — тихо даже для пустой квартиры. Знаете это ощущение, когда слушаешь тишину и понимаешь, что она на самом деле не пустая? Что в ней что-то прячется?

На плите, как ни странно, что-то булькало. Тётя Зина, уезжая, оставила на медленном огне кастрюлю с компотом. Я убавила газ и мысленно поставила ей плюс за предусмотрительность и минус за то, что она уехала, не выключив плиту. Классика. В холодильнике действи-

тельно стоял тот самый торт с грецким орехом, накрытый тарелкой, и я, не удержавшись, заглянула под неё. Пахло так, что я на секунду забыла обо всех тревогах.

Я прошла в комнату, полила фикус, потом герань, потом ещё какие-то цветы, названий которых не знала, но которые явно требовали воды. Проверила кран на кухне — он действительно капал, и я, как могла, подкрутила вентиль. Всё было нормально. Всё шло по плану. Я уже почти расслабилась.

И тут я увидела их.

Кофейные зёрна.

На полу, у самой стены, тянулась тонкая дорожка из мелких кофейных зёрен. Аккуратная, ровная, будто кто-то нарочно рассыпал их, прокладывая путь. Я сначала подумала: ну, тётя Зина рассыпала кофе, бывает. Но потом пригляделась и поняла — нет. Это не случайность. Это след. И он вёл от входной двери прямо вглубь квартиры.

Я пошла по нему. Медленно, стараясь не наступить на зёрна. И чем дальше я шла, тем сильнее становилось это дурацкое чувство, что я делаю что-то, чего делать не следует. Что вот-вот откроется дверь, или зазвонит телефон, или кто-нибудь скажет: «Марина, остановись».

След вёл к кладовке.

В нашей с тётей Зиной планировке кладовка — это маленькая каморка в коридоре, за обычной дверцей, где обычно хранят банки с вареньем, старые чемоданы и прочий хлам, который жалко выбросить, но и доставать незачем. Я не раз бывала в этой квартире, но в кладовку не заглядывала никогда. И, честно говоря, не собиралась.

Барсик — а он, к слову, увязался за мной, потому что любопытство у этого кота сильнее инстинкта самосохранения, — вдруг остановился. Просто сел посреди коридора и уставился на дверцу. Шерсть у него на загривке встала дыбом. Кот выгнул спину и замер.

— Барсик, ты чего? — спросила я шёпотом, сама не понимая, почему шёпотом. — Там же просто варенье. Ну, может, пауки.

Барсик не ответил. Коты вообще редко отвечают, когда их об этом просят.

Я подошла к дверце. Постояла. Потом взялась за ручку. Дверца не поддавалась. Я потянула сильнее — и она со скрипом распахнулась, обдав меня запахом пыли и чего-то ещё, незнакомого, острого.

Внутри было темно. Луч света из коридора выхватил из полумрака старый чемодан, пыльную метлу и жестяную банку с надписью «Соль». Всё как положено. Всё как у людей. И только в самом углу, на стене, чуть выше уровня глаз, белел маленький листок бумаги.

Я подошла ближе.

Записка была приколата кнопкой. Печатными буквами, старательно, будто писал человек, который хочет, чтобы его почерк не узнали, было выведено:

«НЕ ЛЕЗЬ. ЭТО НЕ ТВОЁ ДЕЛО».

Я стояла и смотрела на эти буквы. В горле у меня пересохло. Пальцы, помимо моей воли, вцепились в край дверцы. В голове пронеслась совершенно неуместная мысль: «А компот-то я убавила, молодец».

Потом я вспомнила, что стою в чужой квартире, в кладовке, посреди ночи, — хотя нет, был день, но в тот момент мне казалось, что ночь, — и что где-то в этой самой квартире, возможно, до сих пор прячется тот, кто эту записку оставил.

Я развернулась и, как мне показалось, очень спокойно и очень быстро вышла из кладовки. Барсик вылетел следом, обгоняя меня.

И именно в этот момент зазвонил телефон.

Я вздрогнула так, что чуть не выронила его из рук. На экране светилось: «Дядя Коля». Участковый. Наш, родной, Николай Петрович, добрый человек, который двенадцать лет не может выговорить мою фамилию без улыбки и считает, что все проблемы решаются бумажками и спокойствием.

Я взяла трубку.

— Марина Сергеевна, вы это... — голос у дяди Коли был какой-то неуверенный, что мне сразу не понравилось. — Я тут по одному вопросу. Вы, случайно, не в квартире Зинаиды Петровны сейчас?

— Да, — сказала я. — Я здесь.

— И как оно там?

Я обвела глазами коридор. Взглянула на дверцу кладовки. Взглянула на Барсика, который сидел у моих ног и смотрел на меня так, будто ждал, что я сейчас всё ему объясню.

— Дядя Коля, — сказала я медленно, — тут такое дело... Тут записка. И след из кофейных зёрен. И вообще, по-моему, тётя Зина не просто к сестре уехала.

На другом конце провода стало очень тихо. Настолько тихо, что я услышала, как дядя Коля тяжело вздохнул.

— Значит, всё-таки... — начал он и замолчал.

— Что «всё-таки»?

— Ничего, — поспешно ответил он. — Вы это... никуда не уходите. Я подъеду. Минут через двадцать.

И положил трубку.

Я осталась стоять посреди коридора. Компот на плите тихонько булькал. Где-то за стеной сосед смотрел телевизор, и оттуда доносились аплодисменты. Торт с грецким орехом ждал меня в холодильнике. А я стояла и думала, что вот именно сейчас, в этот самый момент, закончилась моя спокойная, размеренная, курочкинская жизнь, в которой не было ничего страшнее подгоревшей шарлотки.

Барсик потёрся о мою ногу.

— Ну что, — сказала я ему, — похоже, у нас с тобой появилось новое дело. И, кажется, шарлотка подождёт.

Я присела на пуф в прихожей, обхватила себя руками и уставилась на дверцу кладовки. За ней, в темноте, по-прежнему белела записка. «Не лезь. Это не твоё дело».

Знаете, что я вам скажу? Когда человек пишет такие записки и прикалывает их в чужой кладовке, это почти всегда означает ровно противоположное. Значит, это очень даже твоё дело. Просто тебе об этом ещё не сказали.

Я вздохнула, встала и пошла на кухню за тётиным тортом. Потому что если уж жизнь решила меня втянуть в неприятности, то встречать их на голодный желудок я категорически отказываюсь.

Глава вторая

Дядя Коля появился ровно через двадцать минут. Я всё ещё сидела на пуфике в прихожей, пытаюсь переварить события последних часов. Барсик, почувствовав приближение знакомого силуэта, выскользнул из-под моей ноги и направился к двери встречать гостя.

Участковый, как всегда, выглядел солидно: форма сидела на нём безупречно, а фуражка блестела так, будто её только что отполировали.

— Марина Сергеевна, — произнёс он, протягивая руку для приветствия. — Рад, что застал вас. Давайте-ка пройдем в комнату, поговорим.

Я поднялась, чувствуя, как внутри всё сжимается от волнения. В комнате царил привычный беспорядок: фикусы и герань всё так же тянулись к свету, а на столе сиротливо стояла банка с компотом, который я так и не решилась вылить.

— Присаживайтесь, — предложила я, указывая на кресло. — Чай, кофе?

— Нет, спасибо, — отказался дядя Коля, присаживаясь напротив. — Давайте сразу к делу. Что вы нашли в кладовке?

Я пересказала всё, что произошло: про кофейные зёрна, странную записку и своё первое впечатление от увиденного. Дядя Коля внимательно слушал, изредка кивая и делая пометки в блокноте.

— Интересно, — протянул он, закончив записывать. — Очень интересно. И что вы думаете, Марина Сергеевна? Кто мог оставить эту записку?

— Понятия не имею, — честно призналась я. — Но мне кажется, это связано с исчезновением тёти Зины.

— Исчезновением? — переспросил дядя Коля. — А где она, собственно, может быть?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Может, у сестры, как она говорила? Но что-то мне подсказывает, что не всё так просто.

— Хорошо, — кивнул участковый. — Давайте разберёмся по порядку. Во-первых, зёрна кофе. Вы уверены, что это не случайность?

— Нет, — уверенно ответила я. — Слишком ровная дорожка. И записка... Она явно не от чистого сердца.

— Логично, — согласился дядя Коля. — А теперь о записке. Кто мог её оставить? У Зинаиды Петровны много знакомых?

— Да уж, — вздохнула я. — Весь подъезд знает. Но я бы на неё не подумала...

— Хорошо, — прервал меня участковый. — Давайте начнём с простого. У неё были враги?

— Да вроде нет, — задумалась я. — Хотя... Был один неприятный тип, который всё время пытался занять её место в очереди на бесплатную парковку.

— Интересно, — снова протянул дядя Коля. — И как вы думаете, мог ли он иметь отношение к этому делу?

— Не знаю, — повторила я. — Но проверить стоит. Может, у него есть ключи от её квартиры?

— Вот именно, — кивнул участковый. — Начнём с него. А пока, Марина Сергеевна, я бы хотел, чтобы вы оставались в квартире и не выходили без необходимости. И, пожалуйста, постарайтесь ничего не трогать.

— Хорошо, — согласилась я. — Но как я узнаю, что происходит?

— Я буду держать вас в курсе, — пообещал дядя Коля. — А сейчас мне нужно опросить соседей и проверить записи с камер наблюдения.

Он поднялся, поправил фуражку и направился к выходу. Барсик проводил его до двери и вернулся ко мне, словно говоря: «Ну что, хозяйка, будем ждать дальше?»

Я вздохнула, достала телефон и начала составлять список того, что нужно сделать: проверить, не пропало ли что-то из квартиры, позвонить маме (она всегда знает больше, чем кажется), и... да, пожалуй, испечь обещанную шарлотку. Хотя бы для того, чтобы занять чем-то руки.

Барсик запрыгнул на диван и свернулся клубочком. Я устроилась рядом, чувствуя, как напряжение последних часов постепенно отпускает. Но в одном была уверена: след, который вёл в кладовку, теперь будет преследовать меня ещё долго. И, кажется, пора привыкать к новым приключениям.

Ведь жизнь в нашем районе становилась всё более интересной, не так ли, Барсик?

Глава третья

Стоило дяде Коле уйти, как тишина в тётиной квартире сделалась какой-то особенно громкой. Она не была уютной, эта тишина. Она звенела, будто в воздухе висело что-то недосказанное, и стоило чихнуть — оно бы грохнулось на пол и разбилось вдребезги.

Барсик, который обычно в тишине сразу начинал шуршать пакетом или ронять цветочный горшок, теперь сидел на спинке дивана и смотрел на меня так, словно я должна была вот-вот выдать какой-то гениальный план.

— Не смотри на меня так, — буркнула я, поправляя плед. — Я не Шерлок Холмс. У меня даже лупы нет. Есть только резиновые перчатки и торт с грецким орехом.

Барсик фыркнул, будто хотел сказать: «Лупа — это роскошь. У нас есть нос и любопытство. Этого хватит».

И тут я поняла: а ведь он прав. Если уж я взялась присматривать за квартирой, надо сделать это как следует. Не просто цветы полить, а проверить, не пропало ли что-то важное. Вдруг эта записка — не предупреждение, а отвлекающий манёвр? Вдруг кто-то вынес из квартиры всё ценное, пока тётя Зина «уехала к сестре»?

Я встала, натянула перчатки, потому что у тёти Зины в шкафах водились такие слои пыли, что одного касания хватало, чтобы потом неделю чихать. И пошла по квартире, оглядываясь по сторонам, как заправский инспектор.

Сначала кухня. Кастрюли на месте, банки с вареньем — все до единой, даже та, с вишневым, которую тётя Зина берегла для «особых случаев». Холодильник тоже не пострадал. Торт стоял, как часовой, и пах так, что у меня предательски заурчало в животе.

Потом комната. Диван, кресло, телевизор, стопки газет — всё на своих местах. На комод — фотография тёти Зины с какой-то пожилой женщиной, наверное, той самой сестрой, к которой она якобы уехала. Я пригляделась: лица знакомые, но не родные. И тут взгляд зацепился за маленький нюанс: рамка стояла чуть криво. Тётя Зина была помешана на порядке. Она выравнивала рамки, чашки и даже тапочки. Если рамка стоит криво — значит, кто-то её трогал. Совсем недавно.

Я осторожно поправила рамку и заметила, что под ней лежит сложенный вчетверо листок. Не записка, не чек, а что-то вроде наброска. Я развернула его дрожащими пальцами. Это был обрывок старого конверта, на котором тётиным крупным почерком было выведено: «Не верь ему. Он всё врёт. И ключи не отдавай».

Сердце ухнуло куда-то вниз и застряло где-то в районе желудка.

«Не верь ему». Кому? И почему она прятала эту записку под фотографией?

Я сунула листок в карман халата, решив пока никому о нём не говорить. Сначала надо разобраться самой.

Дальше — спальня. Кровать заправлена идеально, подушки взбиты, на тумбочке — очки, будильник и стопка журналов. Ничего подозрительного. Но когда я наклонилась, чтобы заглянуть под кровать (просто на всякий случай, вдруг там прячется ещё одна записка или, не дай бог, кто-то живой), мой взгляд упёрся в край коробки, задвинутой глубоко под кровать. Обычная картонная коробка, перетянутая бечёвкой.

Я потянула её за край. Коробка выползла наружу, подняв облако пыли, от которого Барсик чихнул три раза подряд и отскочил в сторону, явно осуждая мою любознательность.

Внутри лежали старые письма, пожелтевшие фотографии и... маленькая шкатулка. Я открыла её дрожащими руками. Внутри — несколько старых монет, брошка с камешком и... ключ. Обычный железный ключ, но на нём была бирка с надписью: «Гараж 12».

— Гараж, — прошептала я, глядя на ключ. — Зачем тёте Зине гараж, если у неё нет машины?

Барсик снова фыркнул. Ему явно не нравились эти тайны.

И тут зазвонил телефон. Я вздрогнула так, что чуть не уронила шкатулку. На экране высветилось: «Мама».

— Мариночка, ты поела? — раздался в трубке мамин голос, бодрый и требовательный. — Я тут мимо тётки Зининой квартиры шла, смотрю — дверь приоткрыта. Это ты там?

— Мам, я тут, — выдохнула я. — Присматриваю за квартирой.

— А чего дверь открыта? — не унималась мама. — Мало ли кто зайдёт. Ты поосторожнее. И знаешь, я сегодня с Лидией Семёновной из третьего подъезда разговаривала, она говорит, что вчера вечером у тётки Зины какой-то мужчина был. Высокий, в тёмной куртке. Она его не знает.

У меня похолодели руки.

— Какой мужчина, мам? Ты уверена?

— Ну а я что, слепая? — обиделась мама. — Высокий, плечистый, лицо закрыто воротником. Лидия говорит, он минут двадцать у двери стоял, потом позвонил, тётка Зина открыла, они поговорили, и он ушёл. А сегодня она пропала. Вот я и думаю...

— Мама, — перебила я, стараясь говорить спокойно, — ты никому об этом не говори, ладно? Я сама разберусь.

— Как это разберёшься? — возмутилась мама. — Ты же не сыщица! Ты шарлотку печёшь!

— Именно, — твёрдо сказала я. — Поэтому я сначала пеку, потом разбираюсь. А ты иди домой, не стой у двери. И никому ни слова, пожалуйста.

Мы попрощались, и я положила телефон на стол. Теперь картина начинала складываться, но складывалась она в какой-то странный, пугающий пазл. Незнакомец у двери, записка «Не верь ему», ключ от гаража, которого у тётки Зины быть не должно...

Я посмотрела на Барсика. Тот сидел, поджав лапы, и смотрел на меня с таким видом, будто понимал больше, чем хотел показать.

— Ладно, — сказала я вслух, чтобы хоть немного успокоиться. — Разберёмся. Сначала — шарлотка. Потому что на голодный желудок думать вредно.

Я достала миску, яйца, муку... и вдруг замерла. На столе, прямо рядом с сахарницей, лежала ещё одна вещь, которой раньше не было. Маленькая флешка. Чёрная, без опознавательных знаков.

Я взяла её в руки. Холодная, гладкая, совсем новая. Откуда она здесь? Тётка Зина не пользовалась компьютерами. Она даже телефон еле освоила, чтобы звонить мне каждый день.

Флешка явно не её. И явно не случайность.

— Барсик, — прошептала я. — Кажется, мы с тобой влезли в такое, что шарлотка уже не поможет.

Кот молча прыгнул с дивана и подошёл к двери кладовки. Сел перед ней и уставился на дверцу, будто приглашая меня снова заглянуть внутрь.

— Нет, — покачала я головой. — Хватит с меня кладовки на сегодня.

Но флешка жгла пальцы. И я знала, что не смогу просто так оставить её лежать на столе.

Я сунула флешку в карман рядом с запиской, глубоко вздохнула и принялась месить тесто. Руки дрожали, но тесто получалось на удивление гладким. Наверное, потому что я вложила в него всю свою растерянность и страх.

Пока духовка разогревалась, я достала телефон и набрала номер дяди Коли.

— Николай Петрович, — сказала я, когда он ответил, — тут ещё кое-что нашлось. Записка, ключ от гаража и... флешка. Думаю, вам стоит это увидеть.

На другом конце провода дядя Коля тяжело вздохнул.

— Марина Сергеевна, — произнёс он устало, — вы там поосторожнее, ладно? Не лезьте никуда без меня. Я сейчас закончу с опросами и подъеду. И... может, пока просто посидите и попейте чаю?

— Чаю я уже попила, — ответила я, глядя, как Барсик трётся о дверцу кладовки. — Теперь у меня шарлотка печётся.

— Шарлотка — это хорошо, — неожиданно мягко сказал дядя Коля. — Главное, не забывайте дышать.

Он попрощался и положил трубку.

Я поставила таймер на духовке и села на табуретку. Барсик запрыгнул ко мне на колени и уткнулся носом в мою ладонь. И в этот момент мне вдруг стало чуть спокойнее. Рядом был кто-то тёплый и живой. Даже если этот кто-то — кот, который вечно всё роняет.

Таймер звякнул. Шарлотка была готова. Золотистая, ароматная, с хрустящей корочкой. Я отрезала кусок, положила на тарелку и поставила перед Барсиком. Пусть тоже подкрепится. Впереди нас ждали новые загадки, а разгадывать их на пустой желудок — плохая идея.

И пока мы с Барсиком ели шарлотку и слушали, как тикают часы на стене, я думала о том, что след, который вёл в кладовку, теперь тянулся дальше. Через кофейные зёрна, через записки и ключи, через странные визиты незнакомцев — куда-то туда, где пряталась настоящая тайна тёти Зины.

А я, кажется, только начинала её разгадывать.

Глава четвёртая

Шарлотка, как ни странно, помогла. Не в том смысле, что всё сразу стало понятно — тайны никуда не делись, флешка по-прежнему лежала в кармане, а ключ от гаража грел бедро через ткань халата, — но в голове немного прояснилось. Страх, который до этого сжимал грудь тугой пружиной, чуть ослаб. Когда ешь что-то тёплое и домашнее, даже самые зловещие записки кажутся чуть менее зловещими. Ну, хотя бы на пять минут.

Барсик доел свой кусок, тщательно облизал усы, посмотрел на пустую тарелку так, будто это была личная обида, и отправился патрулировать квартиру. Он обошёл все углы, пару раз боднул дверцу кладовки — видимо, в знак того, что не одобряет её существование, — и наконец запрыгнул на подоконник, где устроился так, чтобы видеть и меня, и входную дверь. Позиция «наблюдатель номер один» была занята.

Я как раз вытирала стол, когда в замке повернулся ключ. Я замерла, выронив тряпку, а Барсик издал такой звук, будто у него внутри щёлкнуло реле тревоги.

Дверь распахнулась, и на пороге появился дядя Коля. Вид у него был усталый, но решительный: фуражка чуть сдвинута, в руках — папка, которую он прижимал к груди, словно щит.

— Ну что, Марина Сергеевна, — выдохнул он, проходя внутрь и оглядываясь, будто ожидал увидеть тут не уютную квартиру пенсионерки, а декорации к боевику. — Рассказывайте. Что ещё нашли?

Я тут же выложила всё: про криво стоящую рамку, про записку «Не верь ему», про коробку под кроватью, ключ с биркой «Гараж 12» и, наконец, про флешку. Достала всё это из карманов и разложила на столе, как улики в настоящем детективном сериале. Даже тряпку убрала, чтобы не портила картину.

Дядя Коля молча рассматривал находки, по очереди брал в руки, вертел, шурился, будто надеялся, что на них сами собой проступят ответы.

— Гараж, — пробормотал он, разглядывая ключ. — У Зинаиды Петровны машины не было. Это точно. Я у неё даже прав не видел.

— Вот и я о том же, — кивнула я. — Зачем ей ключ от гаража, если нечего туда ставить?

— Может, сдавала? — предположил дядя Коля, но сам тут же поморщился, будто сам себе не поверил. — Хотя нет. В нашем кооперативе гаражи сдают редко. Да и зачем пенсионерке такие хлопоты?

Он взял флешку, повертел её в пальцах, потом аккуратно положил обратно.

— Это надо проверить, — сказал он строго. — Но не здесь и не сейчас. У меня есть знакомый в отделе, он посмотрит, что на ней. Главное — ничего не копировать и не открывать на чужих устройствах.

— Я и не собиралась, — поспешно заверила я. — Я вообще флешки боюсь. У меня от них компьютер один раз завис, и я неделю не могла фотки с отпуска найти.

Дядя Коля чуть улыбнулся — впервые за всё время, и от этой улыбки в комнате будто стало светлее.

— Вы, Марина Сергеевна, главное, не паникуйте. Мы во всём разберёмся. А пока... — он посмотрел на меня внимательно, почти по-отечески, — я бы попросил вас никуда не лезть. Ни в какие гаражи, ни к каким подозрительным людям. Договорились?

— Договорились, — послушно кивнула я, хотя внутри уже шевелилось это дурацкое, упрямое любопытство: а вдруг именно я смогу что-то понять? Вдруг ключ — это важная деталь?

Но спорить с участковым я не стала. Вместо этого предложила:

— Чай? Или кофе? У тёти Зины тут где-то был хороший растворимый, она его берегла для гостей.

— Спасибо, не надо, — отказался дядя Коля, застёгивая папку. — Мне ещё к соседям зайти, да и в отдел надо заехать, отдать флешку на проверку. Но я скоро вернусь. И... если что-то ещё вспомните — сразу звоните.

Он ушёл, аккуратно прикрыв за собой дверь, и квартира снова наполнилась той самой звенящей тишиной, которая теперь казалась мне не просто тишиной, а чем-то вроде паузы перед следующим актом.

Барсик спрыгнул с подоконника, подошёл ко мне и боднул руку, требуя внимания.

— Знаю, знаю, — вздохнула я. — Опять сидим и ждём. Но что поделать? Дядя Коля велел не лезть, а я человек дисциплинированный. Почти.

И тут меня осенило.

Гараж. Ключ. «Гараж 12».

Если тётя Зина не пользовалась гаражом, возможно, им пользовался кто-то другой. Тот самый «он», которому нельзя верить. И если я не могу туда пойти сама (потому что обещала дяде Коле сидеть смирно), я могу хотя бы узнать, кто числится владельцем этого гаража.

У меня в телефоне был номер Игоря, моего племянника-студента. Он вечно сидел в каких-то базах данных, форумах и чатах, откуда знал всё на свете — от расписания автобусов до того, кто в нашем районе последний раз заказывал пиццу с ананасами.

Я набрала его номер.

— Тётъ Марин? — отозвался Игорь после второго гудка. — Чего-то надо? Я тут курсовую пишу, а она меня не слушается.

— Игорь, — начала я, стараясь говорить спокойно, — мне нужна твоя помощь. Есть гараж, номер 12, в нашем гаражном кооперативе. Нужно узнать, на кого он оформлен. Или кто им пользуется.

На том конце провода повисла пауза. Потом Игорь хмыкнул.

— А ты чего это вдруг гаражами интересуешься?

— Долго объяснять, — уклончиво ответила я. — Просто помоги, пожалуйста. Это важно. Связано с тётей Зиной.

Ещё одна пауза. Потом голос Игоря стал серьёзнее.

— Ладно. Скинь адрес кооператива, если знаешь. Или хотя бы название. Я посмотрю, что можно найти. Может, у кого-то из знакомых есть доступ к базе.

Я продиктовала всё, что знала, и пообещала, что расскажу подробности позже. Игорь пообещал перезвонить, как только что-то выяснит.

Положив телефон, я почувствовала, как внутри снова закручивается эта странная смесь тревоги и азарта. Вроде бы я ничего не нарушила: не пошла в гараж, не встретила с подозрительными людьми. Просто попросила племянника поискать информацию. Это ведь не считается за «лезть»?

Барсик, будто почувствовав моё волнение, запрыгнул ко мне на колени и уткнулся носом в плечо.

— Всё будет хорошо, — сказала я ему, хотя больше пыталась убедить саму себя. — Просто цепочка странных совпадений. Сейчас Игорь что-то найдёт, дядя Коля проверит флешку, и всё встанет на свои места. Тётя Зина просто уехала по своим делам, а кто-то решил над нами подшутить.

Кот фыркнул, словно хотел сказать: «Ты сама в это не веришь».

И он был прав. Я не верила. Слишком много деталей не сходилось. Слишком много «случайностей» было в этой истории.

Пока я сидела и гладила Барсика, телефон вдруг завибрировал. На экране высветилось: «Игорь».

— Тёть Марин, — быстро заговорил племянник, — слушай, тут кое-что странное. Гараж 12 числится за неким Сергеем Петровичем Волковым. Но проблема в том, что он умер два года назад.

У меня похолодели пальцы.

— Умер? — переспросила я, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. — А кто им пользуется сейчас?

— Этого я не знаю, — признался Игорь. — В базе нет новых данных. Но есть ещё один момент. Этот Волков... он был бывшим зятем тёти Зины.

Я резко выпрямилась, а Барсик прыгнул с колен, явно почувствовав перемену в моём настроении.

— Бывшим зятем? — повторила я, и в голове вдруг щёлкнуло, как будто одна деталь встала на место. — То есть... тот самый, про которого она писала «Не верь ему»?

— Похоже на то, — тихо сказал Игорь. — Ты уверена, что хочешь дальше этим заниматься? Может, лучше всё отдать полиции?

— Уже отдала, — машинально ответила я. — Но теперь... теперь мне кажется, что это только начало.

Мы попрощались, и я положила телефон на стол. Перед глазами стояла та самая записка под фотографией: «Не верь ему. Он всё врёт. И ключи не отдавай». Тётя Зина боялась этого человека. Боялась настолько, что прятала предупреждения.

А ключ от его гаража лежал у меня в руке.

В этот момент за окном проехала машина, и свет фар на секунду скользнул по комнате, высветив на стене тень от рамки с фотографией. И мне вдруг показалось, что тётя Зина смотрит на меня с укоризной: «Ну вот, Марина, теперь ты поняла. Теперь ты знаешь, куда ведёт этот след».

Я встала, подошла к окну и посмотрела вниз. Двор был пуст, только одинокий фонарь качал жёлтым светом, будто пытался разогнать темноту.

Барсик подошёл ко мне, потерся о ногу.

— Знаешь, — прошептала я, глядя в тёмное окно, — кажется, дядя Коля просил меня никуда не лезть. Но как тут не лезть, когда всё складывается в такую картину?

Кот ничего не ответил. Он просто стоял рядом, тёплый, живой, настоящий. И этого было достаточно, чтобы я не сошла с ума от всех этих тайн.

Я вернулась на кухню, налила себе стакан воды и выпила его залпом. Потом достала из шкафа ещё одну чашку, на всякий случай — вдруг дядя Коля вернётся и всё-таки согласится на чай.

И села ждать.

Потому что теперь я знала: след, который вёл в кладовку, тянулся дальше. К гаражу, к умершему бывшему зятю, к запискам, спрятанным под фотографиями. И где-то там, в конце этой цепочки, пряталась правда о том, куда на самом деле исчезла тётя Зина.

А я собиралась её найти. Даже если для этого придётся нарушить одно маленькое обещание.

Глава пятая

Я сидела на кухне, смотрела на вторую чашку — пустую, аккуратную, с синей каёмочкой, — и пыталась убедить себя, что всё делаю правильно. Ну, почти правильно. Я ведь не бегу сломя голову в гараж, не пытаюсь сама взломать дверь и не устраиваю погоню по тёмным переулкам. Просто... жду. И думаю. А думать мне никто не запрещал.

Барсик, видимо, устав от моего напряжённого молчания, прыгнул со стола, где пытался гипнотизировать кусок шарлотки, и подошёл к входной двери. Сел, уставился на ручку и издал этот свой особый звук — не мяу, не шипение, а такой короткий, требовательный «мрр», который у него означал: «Хозяйка, ты что-то упускаешь. Посмотри сюда».

— Что там? — вздохнула я, поднимаясь. — Почта? Или сосед опять забыл ключи и сейчас будет звонить?

Но за дверью никого не было. Только на полу, прямо у порога, лежал маленький белый конверт. Обычный, без марки, просто сложенный вдвое и запечатанный. На нём не было ни адреса, ни имени — только мой почерк. Точнее, не мой. Чёткий, аккуратный, будто выверенный по линейке.

Сердце ёкнуло и пропустило удар.

— Барсик, — прошептала я, — ты видел, кто это положил?

Кот только моргнул. Он был отличным компаньоном в беде, но свидетелем — так себе.

Я наклонилась, подняла конверт дрожащими пальцами. Внутри что-то шуршало. Не письмо, а, кажется, ещё одна записка или... фотография.

«Не открывай», — вдруг шепнул внутренний голос. — «Положи обратно, позвони дяде Коле, пусть он сам разбирается».

Но я уже разорвала клапан.

Внутри оказалась маленькая чёрно-белая фотография. Старая, потрёпанная по краям. На ней — тётя Зина. Молодая, лет двадцати пяти, в лёгком платье и с косой через плечо. Она стояла у какой-то двери — и я вдруг поняла, что это дверь гаража. Того самого, 12. А рядом с ней — мужчина. Высокий, плечистый, с тёмными волосами. Лицо у него было серьёзное, даже суровое. И я его узнала. Это был тот самый Сергей Петрович Волков, бывший зять тёти Зины, который, по словам Игоря, умер два года назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.